

Ночь.

Цзян Ни надела пижаму и распустила длинные волосы. Всю одежду сейчас приносил дядя Ли — боялся, что ей здесь будет неудобно. Раньше она носила то, что подготовила Цзян Чу, но ткань натирала кожу — на белой нежной коже то и дело оставались красные полосы.

Она привыкла к мягким, приятным на ощупь материалам, а от грубой ткани у неё начиналось раздражение.

Шлёпая тапочками, она открыла дверь спальни. За день она прошла много дорог, тело ломило, а от слишком долгого купания голова стала тяжёлой.

Цзян Чу вошла с ведром холодной воды и, увидев, что та уже помылась, сказала:

— Устала? Ложись пораньше.

Цзян Ни иногда думала: не слишком ли она изнежена? Ведь Цзян Чу старше её всего на три года, но каждый день бездельничает и всё равно устаёт. Может, она слишком привыкла к роскоши.

Цзян Чу, не чувствуя усталости, собрала её грязное бельё, положила в таз и залила водой.

Цзян Ни присела на корточки рядом, подпёрла подбородок и наблюдала, как та старательно стирает её вещи. Помолчав, она спросила:

— Чучу, ты так ко мне добра. Если тебе что-то нужно — говори, не стесняйся.

Цзян Чу тёрла ткань и ответила:

— Мне ничего не нужно. Ты просто будь к себе добрее.

— Я тут подумала... Мне нечем тебя отблагодарить. Может, я просто отдамся тебе в благодарность? — сказав это, она начала расстёгивать одежду.

Цзян Чу уронила бельё обратно в таз и, запинаясь от неожиданности, воскликнула:

— Т-ты что делаешь? Не надо... Прекрати! Не раздевайся!

— Хм? Тебе не нравится моя благодарность?

— Мне ничего не нужно! Оденься! — Что это за дела? Их отношения — не сделка.

Цзян Ни постучала пальцем по подбородку, задумавшись:

— Денег ты не хочешь, моим телом — тоже, помогать тебе по хозяйству — не просишь. Чего же ты тогда от меня хочешь?

— Я ничего от тебя не хочу. Просто будь рядом со мной.

Цзян Ни смотрела, как та развешивает выстиранное бельё, и всё думала о том, как бы соблазнить её и затащить в постель.

— Всё, давай спать, — Цзян Чу встряхнула ноющими руками. Она привыкла к деревенской работе, но всё же у неё были свои болячки.

Цзян Ни сидела на краю кровати, её зрачки мерцали, на губах играла капризная, чуть заметная улыбка.

Она поманила пальцем:

— Иди сюда, Чучу.

Цзян Чу, не понимая, что та задумала, послушно подошла.

Цзян Ни резко дёрнула её на кровать, перевернулась и прижала сверху. Ласково глядя её по лицу, низким голосом произнесла:

— Чучу...

От неё исходил незнакомый, очень свежий аромат, которого Цзян Чу раньше не слышала.

Сердце Цзян Чу пропустило удар, она поспешно отвернулась:

— Цзян Ни, ты что? Слезай! На что это похоже?

— Не слезу. Я вот так и возьму тебя.

— ...

— Слушайся. Какая поза тебе нравится? Давай попробуем все. Не умеешь? Я научу, хочешь?

От этих слов у Цзян Чу волосы зашевелились на голове. Она отчаянно попыталась вырваться из объятий и в панике забормотала:

— Цзян Ни, не надо! Так... так нельзя! Успокойся!

Цзян Ни схватила её за руку. Ладонь у Цзян Чу была чуть шершавой, а тыльная сторона — белая и нежная от природы, с тонкими голубыми прожилками. Она наклонилась и нежно поцеловала её в руку.

— Что? Стесняешься?

— Н-нет... — Цзян Чу в испуге выскользнула из её объятий и едва не упала на пол, но вовремя удержала равновесие.

Цзян Ни помрачнела, лицо выражало недовольство:

— Что такое? Я прикасаюсь к тебе, а ты так пугаешься? Ты ведь говорила, что я тебе нравлюсь. Или тебе нравится только моё лицо?

Сердце Цзян Чу всё ещё бешено колотилось. Она глубоко вздохнула и объяснила:

— Всё не так. Я просто... просто не хочу, чтобы это было так легкомысленно.

Она относилась к чувствам преданно и чисто.

Не хотела, чтобы в их отношения примешивались другие эмоции.

Её серьёзный вид разозлил Цзян Ни ещё больше — она только что собиралась как следует её приласкать, а та устроила такой переполох.

Цзян Ни забралась на кровать, натянула одеяло и сказала:

— Я не люблю принуждать. Раз ты не хочешь — ладно. Ложись спать.

Цзян Чу поняла, что та рассердилась. Но ведь всё было не так — она просто не хотела относиться к ней как к чему-то обыденному.

Кажется... она выбрала неправильный путь.

На следующий день.

Солнце только поднялось до половины неба. Цзян Ни сидела на каменной скамье и чистила для Цзян Чу зелёный лук.

Она не любила запах лука, обычно и в еде его не терпела, но Цзян Чу сказала, что с луком вкуснее.

Лю Нюню, не спеша, вбежала во двор, увидела женщину, которая в одиночку чистила лук, подошла и села на стул.

— Ого, ты чистишь лук?

Цзян Ни подняла глаза, мельком взглянула на неё и ничего не ответила.

— Что случилось? Сегодня плохое настроение?

— Ты зачем пришла? — спросила она, нахмурившись, без гнева, но и без радости.

— Без дела не ходят в храм трёх сокровищ. Конечно, есть к тебе дело.

— Ко мне? — Цзян Ни посмотрела на качающуюся деревянную ножку стула, гадая, сколько тот ещё продержится.

— Слушай, ты ведь не думаешь, что на этом всё кончено после того, как пустила по реке фонарик?

Бровь Цзян Ни чуть приподнялась:

— А что, нужно ещё что-то делать? Поклясться луне? Или стоять на берегу реки и молиться, как ты?

Лю Нюню негромко кашлянула, смущённая насмешкой:

— Да ну тебя! Я просто молилась. Ты, женщина из пещеры, откуда тебе знать наши деревенские обычаи?

— О? И правда?

— Я скажу тебе: в нашей Деревне Фаньхуа правил много. Если хочешь нравиться Чучу, ты должна уметь рукодельничать. А то будешь просто нахлебницей.

Цзян Ни нахмурилась:

— ?

— Будешь мне вышивать, нанизывать бусины, плести стулья.

Цзян Ни подняла глаза:

— Вышивать? Я не умею.

<http://bllate.org/book/19578/1919857>